

УДК 94(47)''18 / 19'':271.2+[316.343.64:159.923.32]

ПРЕСТУПНИКИ «ПРОТИВ ВЕРЫ»? РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Д. А. Комаров

Тверской государственный университет,
кафедра отечественной истории, Тверь

Статья посвящена исследованию религиозных преступлений в среде русского православного крестьянства второй половины XIX – начала XX в. На основе статистических и архивных материалов автор пришел к выводу, что большинство подобных правонарушений совершались вследствие вспыльчивости и пьянства и не являются свидетельством крестьянской безрелигиозности или антиклерикализма.

Ключевые слова: религиозное поведение, религиозность, русское православное крестьянство, религиозные преступления, богохульство, кощунство, святотатство

При изучении религиозности обычно рассматриваются внешние, поведенческие её проявления: соблюдение ритуальных запретов (посты) и культовых предписаний (молитвенное правило, посещение храма, исповедь и причастие), а также религиозные девиации (богохульство, кощунство)¹. Однако затруднительность заключается в том, что само по себе регулярное посещение богослужений невозможно интерпретировать как свидетельство высокой религиозности. В этой связи наиболее актуальной представляется попытка исследования мотивации религиозного поведения.

Одним из неизменных социально-религиозных явлений имперской России являлись религиозные преступления. В 1899 г. руководитель статистического отделения министерства юстиции Е. Н. Тарновский подсчитал, что 9/10 (86 %) всех религиозных преступлений совершалось именно в деревне². По данным криминалиста М. Н. Гернета, крестьяне составляли 63,3 % преступников «против веры» (по всем видам уголовных преступлений 49,7 %)³.

---

* Рецензент – научный руководитель, докт. ист. наук, профессор Т. Г. Леонтьева, Тверской государственный университет, г. Тверь.

¹ См.: *Кривелев И. А.* К характеристике сущности и значения религиозного поведения // Советская этнография. 1967. № 6. С. 22–23; *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение М., 1985. С. 127–138; *Лобазова О. Ф.* Религиоведение: учебник. М., 2003.

² *Тарновский Е. Н.* Религиозные преступления в России // Вестник права. 1899. № 4. С. 20.

³ *Гернет М. Н.* Моральная статистика: уголовная статистика и статистика самоубийств. М., 1922. С. 179.

Указанные разночтения в статистике – вовсе не случайность. Проблема выявления и наказуемости этого специфического вида противоправных действий была достаточно актуальна с момента их атрибуции в качестве «церковных» и «религиозных преступлений»⁴. Применительно к сельской местности этот вопрос звучал ещё более злободневно. С одной стороны – в деревне все на виду. С другой – очевидно, что любые преступления, совершенные в деревне, легче ускользали от судебного разбирательства и уголовного преследования⁵. Вместе с тем в содержании сохранившихся следственных дел хорошо просматривается практика доносительства на «безбожников» со стороны не только односельчан, но и ближайших родственников (не исключая оговор). Таким образом, совокупность этих обстоятельств позволяет рассматривать имеющиеся сведения в качестве относительно правдоподобного источника о количестве и специфике религиозных преступлений.

Анализ историографии показал, что на протяжении многих десятилетий разрабатывались преимущественно вопросы, связанные с историей права (в т. ч. церковного) и уголовной политики в сфере религиозных преступлений⁶. Социально-политическая цензура и скудная источниковая база фактически предопределили отсутствие отдельного научного исследования, посвященного социальной истории этого специфического явления в крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в.⁷

Соответственно актуальность исследовательской идентификации, классификации и интерпретации религиозных преступлений на основе архивных материалов обусловлена их ценностью для изучения мотивов религиозного поведения русского православного крестьянства и сложившейся историографической ситуацией.

Во второй половине XIX – начале XX в. российское законодательство характеризовалось относительным постоянством в толковании подобного рода правонарушений. В пяти главах второго раздела «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» Уложения

---

⁴ См. об этом: *Попов А. Н.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904; *Ширяев В. Н.* Религиозные преступления: историко-догматические очерки. Ярославль, 1909.

⁵ *Трайнин А.* Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. Кн. 7. С. 19.

⁶ См.: *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях: опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876; *Попов А. Н.* Указ. соч.; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1907; *Ширяев В. Н.* Указ. соч.; *Тимашев Н. С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1917; *Остроумов С. С.* Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1980.

⁷ Широко известные работы М. М. Персиц (Из истории народного свободомышлия в России (Дела о «богохульстве» в первой половине XVIII века) // Вопросы истории религии и атеизма: сб. ст. М., 1950. Вып. 1) и Е. Б. Смилянкой (Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003) выполнены на материалах XVIII в.

о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделены следующие типы «религиозных преступлений»:

- *«богохуление и порицание веры»* (хула, поношение или поругание Бога, Пресвятой Богородицы, Животворящего креста, «бесплотных сил небесных», святых угодников Божьих и их изображений; порицание христианской веры или православной церкви; кощунство – насмешки или издевательства над христианскими обрядами и святыми таинствами; а также изготовление или распространение икон с неканоничными изображениями);
- *«отступление от веры и постановлений церкви»* (самостоятельный (индивидуальный) переход в другую «веру» или «отвлечение» (т. е. соращение других) от «веры» с помощью пропаганды или принуждения; уклонение от исполнения постановлений/предписаний церкви (т. е. частичное «отступление» от веры);
- *«оскорбление святыни и нарушение церковного благочиния»* (оскорбление святыни и духовенства во время священнослужения; нарушение порядка в церкви «непристойными словами или действиями»; прерывание священнослужения или воспрепятствование ему; осквернение, повреждение или уничтожение христианской символики и церковной утвари);
- *«святотатство, разрытие могил и ограбление мертвых тел»* (похищение имущества и денег, принадлежащих церкви; ограбление или оскорбление усопшего или повреждение могилы и надгробного памятника);
- *«лжеприсяга»* (ложные показания, даваемые со ссылкой на имя Божие).

Уголовным уложением 1903 г. все «религиозные преступления» были размещены в одной главе «О нарушении ограждающих веру постановлений» и более чётко ранжировались на:

- *богохуление* (хула, поношение или поругание Бога, Пресвятой Богородицы, «бесплотных сил небесных», святых угодников Божьих);
- *оскорбление святыни, кощунство*, т. е. поношение или поругание словами или действиями св. таинств, догматов, установлений и обрядов церкви, Св. Писания, а также священных предметов: креста, мощей, икон и т. д.;
- *бесчинство* (хулиганство) и воспрепятствование церковному богослужению;
- *надругательство* над умершими и местами их захоронения;
- *отвлечение и отступление от церкви* (в т. ч. и принадлежность к «изуверским» «расколоучениям» или сектам);
- *преступления против священнослужителей* (оскорбление или насилие в отношении священнослужителя, а также самовольное присвоение духовного сана и отправление священнодействия)⁸.

⁸ Подробный анализ см.: Старков О. В., Баикатов Л. Д. Криминология: религиозная преступность. СПб., 2004. С. 28–43.

Анализируя содержание соответствующих статей Уложений, следует отметить, что только три вида действий, атрибутированные действующим законодательством как «преступления против веры», можно интерпретировать как собственно религиозные: богохуление, кошунство, осквернение могилы или надругательство над усопшим с ритуальными целями. Часть из них (святоотатство, оскорбление святыни и духовенства во время священнослужения, нарушение порядка в храме, повреждение христианской символики и церковной утвари) логичнее рассматривать скорее как преступления против церкви и оскорбление чувств верующих.

Лжеприсягу также некорректно интерпретировать как религиозное преступление. К слову, в европейских законодательствах она была изъята из разряда преступлений «против веры» ещё в конце XVIII в.⁹

«Отступление» или «отвлечение» от веры и постановлений церкви ещё сами современники справедливо трактовали как законодательное оформление отсутствия свободы вероисповедания¹⁰.

Соответственно допустимо в процессе изучения исключить из группы «религиозных преступлений» прежде всего деяния, квалифицируемые действующим законодательством как «отступление» и «отвлечение» от веры и уклонение от «постановлений церкви», а также лжеприсягу.

Несовершенство дореволюционной статистики правонарушений, неоднократное изменение подсудности дел о религиозных преступлениях в данный период, а также неудовлетворительное состояние архивных фондов судебных учреждений существенно затрудняет объективные выводы относительно религиозной преступности и ее динамики¹¹. По имеющимся статистическим данным, состояние религиозной преступности в пореформенный и предреволюционный периоды оставалось относительно стабильным, с устойчивой тенденцией к постепенному росту. Однако с учётом неуклонного увеличения численности населения уровень данного вида преступности оставался практически неизменным¹². В 1897 – 1904 гг. в уездах (т. е. в сельской местности) на 100000 человек приходилось 0,4 осужденных (1 на 250000 человек) «общими установлениями» за преступления «против веры». Что касается её структуры, то, по подсчётам А. Трайнина, из 13 мест «общей шкалы» уголовных преступлений в уездах религиозные преступле-

---

⁹ Кистяковский А. О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. Октябрь. С. 122.

¹⁰ Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906. С. 222, 225.

¹¹ Современная криминология трактует религиозную преступность как общесоциальное (и, следовательно, безличностное) противоправное явление, порождаемое противоречиями общественного бытия религии и религиозного сознания, проявляющееся в массе однородных преступлений. Динамика преступности – это изменение её состояния, уровня, структуры за определённый период времени в определённом регионе (Криминология... С. 110, 112).

¹² См.: Отчёты Тверского гражданского губернатора <Начальника Тверской губернии> за [1850–1905] г. [б.м.] [б.г.]; *Тарновский Е.* Указ. соч. С. 2–3; *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 93.

ния занимали 10-е место, уступая место преступлениям собственно уголовным и «против общественной нравственности»¹³. В их чередѣ уверенно лидировало святотатство, за которым следовали отступление и отвлечение от веры (с ростом числа которых преимущественно и связана тенденция роста количества зарегистрированных религиозных преступлений на рубеже XIX и XX вв.)¹⁴. Так, по подсчетам С. С. Остроумова, с 1857 по 1877 г. количество ограблений церковей почти удвоилось¹⁵. Среди осужденных за религиозные преступления уверенно преобладали мужчины. Причем если за святотатство осуждалась, как правило, молодѣжь, то за богохуление и кощунство – зрелые «мужики» и старики.

Говоря о наказании за преступления этого рода, необходимо особо отметить, что в отношении богохуления, кощунства, святотатства и надругательств над могилами и покойниками закон традиционно признавал смягчающими обстоятельства «суеверие, неразумие, невежество или состояние опьянения» преступников¹⁶. С учетом этих обстоятельств наказание обычно не было строгим. Из числа преступлений «против веры» наиболее сурово (вплоть до лишения всех прав состояния) каралось святотатство. Помимо ссылки в Сибирь на каторжные работы и на Кавказ, центрами изоляции преступников «против веры» являлись монастыри. Однако с 1860-х гг. в них поступали преимущественно осужденные, приговоренные светскими судами к церковному покаянию (епитимии)¹⁷. Причем, согласно действовавшему законодательству, церковному покаянию в монастыре или под надзором приходского священника следовало подвергать за истребление и повреждение икон и крестов, лжеприсягу и т. д. Богохульникам, а также лицам, совершившим кощунственные действия или оказавшим неуважение к святыне во время богослужения (ст. 180–182, 213 Уложения 1845 г.) подобная мера видимо не требовалась¹⁸.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить главное: официальная статистика не обнаруживает стойкой тенденции к изменению уровня зафиксированных религиозных преступлений. Вплоть до начала XX в. подобные преступления были относительно редким явлением. Содержание

¹³ *Траинин А.* Указ. соч. С. 17, 24.

¹⁴ *Максимов С. В.* Народные преступления и несчастья. Часть третья. VII. Преступники против веры // Отечественные записки. 1869. № 4. Апрель. С. 327; *Тарновский Е.* Указ. соч. С. 4–5.

¹⁵ *Остроумов С. С.* Указ. соч. С. 34.

¹⁶ *Обнинский П. Н.* Закон и быт. Очерки и исследования в области нашего реформируемого права. М., 1891. Вып. 1. С. 384–385; *Дротаевский П. П.* Пьянство как причина, уменьшающая наказание // Журн. министерства юстиции. 1862. Октябрь. С. 110–111.

¹⁷ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 7086. Л. 9–9 об.; Д. 6316. Л. 5–5 об.; Д. 6346. Л. 1; Д. 6642 а. Л. 1–2; Д. 7119. Л. 6–6 об.; Д. 7309. Л. 3–3 об.; Д. 11431. Л. 3; Д. 10161. Л. 3; Д. 10302. Л. 3; *Freeze G. L.* The Wages of Sin. The Decline of Public Penance in Imperial Russia // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia / Ed. by S.K. Batalden. DeKalb, 1993. P. 71–72.

¹⁸ О церковных наказаниях... С. 192, 202, 209.

«судебных» фондов Государственного архива Тверской области, в свою очередь, подтверждает данные официальной статистики.

Систематизация и анализ данных о религиозных преступлениях, совершённых на территории Тверской губернии в период середины XIX – начала XX в., осуществлены на основе сохранившихся следственных дел окружных судов Тверской губернии, Тверской палаты уголовного суда, Тверского совестного суда и отчасти делопроизводственной документации Тверской духовной консистории, как правило, не только свидетельствующих о существовании имевшего места факта, но и характеризующих личность преступника (его пол, возраст, семейное положение, вероисповедание, уровень образования, место проживания и сферу деятельности), а также содержащих следственные протоколы и показания свидетелей.

Значительную часть богохульств и кощунств, совершённых в крестьянской среде, традиционно составляли банальные ругательства с присовокуплением имени Божьего и тому подобных знаковых слов. Так, в апреле 1890 г. крестьянин дер. Иванцево Тверского уезда Тверской губернии Гаврила Панов, шестидесяти шести лет, будучи в толпе, громко выразившей своё недовольство итогами публичного разбирательства мировым судьей дела о неисполнении крестьянами законного требования полиции относительно постройки ограды на месте, насильно отведённом властями для нового кладбища, сгоряча заявил следующее: «... после этого пусть отбирают и церковь к х...». За то, что «при народе произнёс, хотя бы и без умысла оскорбить святыню, ругательные выражения относительно святого храма», Панов был приговорён судом к заключению в тюрьму на два месяца с возложением на него судебных издержек¹⁹.

В сентябре 1898 г. крестьянин дер. Якимово Ржевского уезда Тверской губернии Матвей Блохин, пятидесяти пяти лет, находясь в состоянии сильного опьянения, в трактире дер. Сухуши после публичного заявления о своём неверии в Бога вступил в перепалку и, рассердившись, обругал своих собеседников, заявив в заключение: «... убирайтесь от меня вместе с Богом к х...». За то, что «хотя без умысла оскорбить святыню» возложил хулу на Бога, Блохин был приговорён судом к заключению в тюрьму на четыре месяца с возложением на него судебных издержек²⁰.

Осенью 1886 г. крестьянин села Оковец Осташковского уезда Тверской губернии Осип Лебедев, пятидесяти шести лет, обращаясь к домашней иконе Богородицы, сказал: «Криворотая Божия Мать, помилуй меня грешного». Из объяснений Лебедева и показаний свидетелей невозможно выяснить, что послужило причиной его неожиданного богохульства. Указания о нахождении его в состоянии алкогольного опьянения в деле отсутствуют, уточнить, к кому относились скверноматерные слова, произнесённые Лебедевым во время происшествия, следовательно не удалось. Все односельчане единодушно характеризовали его как «человека честного поведения хорошего, истинного хри-

---

¹⁹ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 489. Л. 3, 33.

²⁰ Там же. Д. 696. Л. 2–3, 17.

стианина», никогда не замеченного в богохульстве или неуважении к святыне. Тем не менее решением суда, Лебедев был приговорён к аресту на два месяца с возложением судебных издержек²¹.

3 ноября 1904 г. работавший столяром на заводе Верхне-Волжского общества и проживавший в Красной Слободе г. Тверь крестьянин дер. Перехожи Тверского уезда Тверской губернии Дмитрий Селедкин, двадцати семи лет, вернувшись домой совершенно пьяным, в ответ на увещания отца – побояться Бога и бросить пить, сказал: «Разве Бог есть» и выругался скверно матерными словами. После чего заявил: «Угодники у вас там такие, сякие, мощи! – ходи к ним прикладывайся! Что же у Михаила Благоверного и это мощи?» – при чём показал на свои половые органы. Приговорён судом к аресту при полиции на две недели с возложением судебных издержек²². В последнем происшествии уже несложно заметить влияние «сектантства» или пашковской пропаганды, имевшей довольно значительное количество приверженцев в среде тверского крестьянства в эти годы²³.

Одновременно с этим социокультурные новации обнаружили ещё одну тенденцию: пробудившаяся с ростом грамотности и всевозможной пропаганды мысль всё активнее подвергала критике православные догматы, воспринятые некогда полусознательно и усвоенные чисто механически²⁴. Причём подобные веяния вполне предсказуемо находили выход в вызывающем нигилизме, порой доходящим до разнузданности. Так, в феврале 1910 г. двое крестьян дер. Мерлово Тверского уезда Тверской губернии, изрядно злоупотребив спиртным, прямо на сельском сходе учинили богословский «диспут» относительно происхождения Иисуса Христа, плавно перетекший в самое натуральное богохульство: староста Николай Данилов (шестидесяти одного года) утверждал, что «Спаситель родился от Святого Духа», а Петр Семенов (тридцати пяти лет) заявлял, что «Иисус родился от Марии и Иосифа», причём в доказательство своих слов ссылаясь на Евангелие, где прямо сказано, что «муж Марии Иосиф». Как водится, спор быстро перетёк в брань, которая, в свою очередь, закончилась (судя по показаниям свидетелей) тем, что Семенов, совершенно распоясавшись, заявил следующее: «... вы веруете Иисусу Христу, а он разве не тем же делан, чем и мы!». Решением суда подвергнут аресту при полиции на один месяц с возложением судебных издержек²⁵.

Значительную часть подобного рода преступлений составляли происшествия с иконами²⁶. Так, 15 октября 1889 г. крестьянин дер. Полуустово Зубцовского уезда Тверской губернии Василий Ермолаев, тридцати пяти

²¹ ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 431. Л. 3, 58, 15–15 об., 38.

²² Там же. Ф. 660. Оп. 3. Д. 992. Л. 5–5об., 32 об.

²³ См.: Пашковцы в Вышнем Волочке // Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1883. №15–16. Ч. неоф.; Пашковцы в Старицком уезде // ТЕВ. 1885. №19. Ч. неоф.; Пашковцы в Тверской епархии // ТЕВ. 1893. №1–10. Ч. неоф.

²⁴ Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. №1. С. 303–310.

²⁵ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 3817. Л. 5–5 об., 30; Ф. 637. Оп. 1. Д. 193. Л. 2 об.–3, 7–7 об., 9 об.

²⁶ Там же. Ф. 661. Оп. 3. Д. 40. Л. 4–4 об.

лет, во время визита к нему брата с женой, желавших забрать оставшиеся от раздела вещи (в т. ч. четыре иконы), рассердившись на брата, стал снимать образа со стены и кидать на стол, откуда они попадали на пол. При этом Ермолаев кричал: «Убирайте их окаянных, у меня голова на них не гнется». Оскорблённые родственники удалились, а через три дня история повторилась и бывший с похмелья Ермолаев снова назвал иконы «окаянными» и сказал, что у него на них не гнётся голова. Приговорён судом к аресту при полиции на два месяца с возложением судебных издержек²⁷.

16 августа 1904 г. крестьянин дер. Полтево Корчевского уезда Тверской губернии Семен Томашев, тридцати шести лет, в состоянии алкогольного опьянения явился в дом своего отца, проживавшего по соседству, и учинил там ругань и драку, в завершение которой, находясь в буйном состоянии, изрубил топором иконы, висевшие в избе. Решением суда подвергнут аресту при полиции на семь дней с возложением судебных издержек²⁸.

Рецидивисты среди преступников «против веры» (не принадлежащие к сектам) без преувеличения являлись редкостью. Одним из таковых являлся крестьянин дер. Высоково Старицкого уезда Тверской губернии Павел Горелов, сорока лет. 21 января 1901 г., лежа в пьяном виде на печи, он стал кричать приготовившемуся к причащению его больной тетке священнику Петру Успенскому: «... вот я слезу, возьму тебя за детородный член и начну тебе наваливать!», сопровождая это матерной бранью. При производстве следствия выяснилось, что незадолго до этого происшествия Горелов в состоянии опьянения поносил икону Николая Чудотворца: «Чего красную-то рожу уставишь? Я тебя сдеру как Румянцева!» Чуть позже (перед Масленицей), пьяный Горелов стал мочиться в передний угол и, обращаясь к висевшим перед ним иконам, сказал: «... не достанет член, а то обоссал бы». Великим постом, опять будучи во хмелю, он схватил висевший образ Николая Милостивого и бросил в кадку с водой, заявив: «... пускай здесь помоемся!». Решением суда Горелов был подвергнут аресту при полиции на два месяца с возложением на него судебных издержек²⁹.

Как видно, значительная часть богохульных и кощунственных деяний составляли оскорбление икон и св. угодников, изображенных на них. Причём обращает на себя внимание частое поношение наиболее почитаемого народом святого – Николая Мирликийского Чудотворца.

Одним из относительно распространённых видов кощунства являлось пародирование духовенства и церковных обрядов. В 1893 г. крестьянин дер. Гусево Мышкинского уезда Ярославской губернии Василий Федеряев, тридцати двух лет, во время свадьбы в соседнем селе Оносово нарядился в «ризу и епитрахиль», сделанные из холстины, и «клобук» из бумаги, надел «крест» из соломы, прицепил бороду изо льна, и в таком виде благословлял «крестом» и кропил водой гостей, произнося при этом разные похабные шутки. О про-

²⁷ ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 507. Л. 3–3 об., 61, 24.

²⁸ Там же. Ф. 661. Оп. 3. Д. 125. Л. 9–9 об., 20, 36 об.

²⁹ Там же. Ф. 524. Оп. 1. Д. 1170. Л. 6–6 об.; Ф. 660. Оп. 3. Д. 821. Л. 5–5 об., 8, 21.

изошедшем властям немедленно заявил оскорбившийся местный священник, и Федеряев был приговорён судом к аресту при полиции на одну неделю³⁰. Налицо любопытный, исторически повторяющийся (несмотря на репрессивные меры) феномен так называемой «смеховой культуры» русской деревни, хорошо известный фольклористам и этнографам³¹.

Судя по изученным материалам, оскорбление святыни, нарушение церковного благочиния и оскорбление духовенства во время священнодействия не являлись распространённым видом преступлений и не отличались особой изощрённостью. Так, 10 ноября 1880 г. в церкви погоста Поляны Вёсегонского уезда совершалось венчание. Когда обряд подходил к концу, в храм вошёл пьяный отец невесты крестьянин дер. Ильино Вёсегонского уезда Тверской губернии Михей Фомин Рогов, шестидесяти шести лет, и со словами «ты что», сбил венец с её головы. Затем Рогов схватил подсвечник и стал его трясти. После того как подсвечник вытащили из его рук, он ударил кулаком по аналою так, что он вместе с лежавшими на нём крестом и Евангелием упал на пол. Когда Рогова выводили из храма он ругал священника скверноматерными словами. За прерывание богослужения, оскорбление святыни и священнослужителя приговорён судом к аресту при местном волостном правлении на две недели с возложением на него судебных издержек³².

12 августа 1890 г. крестьянка дер. Косарово Тверского уезда Тверской губернии Надежда Александрова, двадцати шести лет, во время литургии в храме села Осуйское, с младенцем на руках желая поскорее причаститься, активно проталкивалась вперед. Священник, видя давку, сказал ей, чтобы она не толкалась и что он причастит ее с младенцем чуть позже. На это Александрова ответила: «Что ты такой, прежние священники так со мной не делали, не хочешь причащать, я уйду в Воскресенское, там причастят». Причастив ребенка, священник отказал ей в причастии, предложив подготовиться к таинству в следующий праздник. Отходя от клирика, раздраженная Александрова долго бранилась на него и в ответ на замечание прихожан заявила: «Больно я его испугалась, велико говно, ишь космы-то распустил, помрёт маленький, я за космы-то его притащу»³³.

Как указывалось, самым распространённым и наиболее строго наказывавшимся видом религиозных преступлений являлось святотатство.

В 1849 г. государственный крестьянин села Ильинское Корчевского уезда Тверской губернии был обвинён в святотатстве – краже золотого по-

³⁰ ГАТО. Ф. 661. Оп. 3. Д. 86. Л. 4, 27 об.

³¹ См.: Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведённые в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 333–367, 369; Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. М., 1999. С. 369. (Следует заметить, что наряду с часто встречавшимися сатирическими имитациями благословения, молебна, венчания и отпевания, практически отсутствуют описания пародий таинств крещения или причастия.)

³² ГАТО. Ф. 661. Оп. 3. Д. 45. Л. 4, 12–13, 11.

³³ Там же. Ф. 628. Оп. 1. Д. 96. Л. 2–2 об.

зумента и лоскута парчи из Вознесенской церкви села Кимры. В процессе следствия он был признан слабоумным и умер, не дожив до суда³⁴.

В ночь на 21 июля 1877 г. крестьянские сыновья дер. Заполье Бежецкого уезда Тверской губернии Федор Фомин и Яков Шалаев, оба пятнадцатилет, оторвали доску, закрывавшую окно часовни в дер. Сиблово Корчевского уезда и похитили из неё 13 яиц и три медных монеты (пятак, копейку и грош), пожертвованные прихожанами в пользу часовни. В виду неразвитости и невежества подсудимых, не достигших семнадцатилетнего возраста, оставшихся без надлежащего надзора и попечения, с одной стороны, и важности содеянного ими преступления (святотатства), Тверской окружной суд приговорил заключить в монастырь на восемь месяцев каждого с возложением на них судебных издержек³⁵.

Случаи ограбления покойников, вскрытия и осквернения могил, надругательства над трупами с ритуальными целями (для прекращения климатических катаклизмов или добывания трупных органов, используемых в магических практиках и т. п.) также имели место³⁶.

Возвращаясь к собственно религиозным преступлениям, следует заметить, что, в сущности, они представляют собой один из видов социальных девиаций, т. е. отклоняющегося поведения. (Под нормальным, не отклоняющимся поведением, специалисты обычно подразумевают «нормативно-одобряемое поведение, не связанное с болезненным расстройством, к тому же характерное для большинства людей»³⁷). Соответственно немаловажным аспектом исследования религиозной преступности является выявление изредка отразившихся в источниках социальных реакций на поступки подобного рода. Содержание абсолютного большинства допросов свидетелей и соседей (родственников) подследственных не оставляют сомнений: в большинстве случаев реакция окружающих была довольно типичной. Как правило, все свидетели всячески осуждают преступника «против веры», нередко характеризую его, как потерянного для общества человека. «Богохульство, кощунство и осквернение храмов народ считает тяжкими преступлениями, и на совершивших их смотрят с отвращением»; «Кражу церковного имущества считают в народе большим преступлением», – отмечали современники³⁸. По словам урядника, свидетельствовав-

---

³⁴ ГАТО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1889. Л. 22, 51.

³⁵ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7086. Л. 2–3, 21, 15, 25 об.

³⁶ См.: *Комаров Д. А.* Культура смерти в русской деревне второй половины XIX – начала XX века // Вестник ТвГУ. № 28 (88). Сер.: История. 2008. Вып. 3.

³⁷ *Змановская Е. В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М., 2004. С. 7.

³⁸ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева.* СПб., 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. С. 267, 421, 119, 363, 484; *Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселёва.* СПб., 1993. С. 290.

шего по одному из дел о кощунстве, среди наблюдавшего за этими действиями народа «был говор, что за это его (кощуна. – Д. К.) следует убить»³⁹.

Вопреки сложившемуся представлению, можно утверждать, что в большинстве своём преступления против веры не являются свидетельством безрелигиозности или антиклерикализма крестьян, скорее они неперемный элемент своеобразной крестьянской религиозности, балансирующей между богобоязненностью и богоборчеством. Речь идёт даже не о так называемом «антиповедении». В крестьянской повседневности грань между умильной набожностью и циничным безбожием зачастую была слишком тонкой, чтобы не провоцировать поведенческие девиации, с рациональной точки зрения кажущиеся парадоксом. Так, в 1852 г. солдатка П. Захарова, пятидесяти трёх лет, из села Клобуково Тверского уезда Тверской губернии по окончании ранней литургии укрылась в Сретенской церкви г. Тверь и после закрытия храма попыталась похитить церковные деньги. По приговору Тверской палаты уголовного суда лишена всех прав состояния, подвергнута публичному телесному наказанию и сослана на поселение в Сибирь. Во время допроса Захарова показала, что святотатство она пыталась совершить, возвращаясь с богомолья из Ниловой Пустыни⁴⁰.

В целом религиозные преступления, совершённые в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в., как правило, не отличались особой изощренностью, большинство расцениваемых законодательством как богохульные или кощунственные, составляли банальные ругательства и хулиганские действия, совершенные без преступного умысла.

Список литературы:

1. Гернет М. Н. Моральная статистика: уголовная статистика и статистика самоубийств. М., 1922.
2. Дротаевский П. П. Пьянство как причина, уменьшающая наказание // Журн. министерства юстиции. 1862. Октябрь.
3. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М., 2004.
4. Кистяковский А. О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. Октябрь.
5. Кривелев И. А. К характеристике сущности и значения религиозного поведения // Советская этнография. 1967. № 6.
6. Максимов С. В. Народные преступления и несчастия. Часть третья. VII. Преступники против веры // Отечественные записки. 1869. № 4. Апрель.
7. Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. М., 1999.
8. Обнинский П. Н. Закон и быт. Очерки и исследования в области нашего реформируемого права. М., 1891. Вып. 1.
9. Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906.

³⁹ ГАТО. Ф. 661. Оп. 3. Д. 40. Л. 41 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 309. Оп. 1. Д. 19103. Л. 2, 11, 14, 2 об.

10. Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. №1.
11. Старков О. В., Башкатов Л. Д. Криминология: религиозная преступность. СПб., 2004.
12. Тарновский Е. Н. Религиозные преступления в России // Вестник права. 1899. № 4.
13. Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. Кн. 7.
14. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985.
15. Freeze G. L. The Wages of Sin. The Decline of Public Penance in Imperial Russia // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia / Ed. by S. K. Batalden. DeKalb, 1993.

CRIMINALS «AGAINST BELIEF»? RELIGIOUS CRIMES AMONG PEASANTS (SECOND HALF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

D. A. Komarov

*The Tver State University,
Russian history chair, Tver*

The article is devoted to research of religious crimes among Russian orthodox peasantry of second half XIX – beginning of XX century. On the basis of statistical and archival materials the author has come to conclusion, that the majority of such crimes were committed because of irascibility and drunkenness and was not the evidence of peasant's secularity or anticlericalism.

Keywords: religious behaviour, religiousness, Russian orthodox peasantry, religious crimes, blasphemy, sacrilege.

Об авторе:

КОМАРОВ Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры отечественной истории Тверского государственного университета.

KOMAROV Dmitry Andreevich – the postgraduate student of Russian history subdepartment.

E-mail: d kom_harmony@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.08.2011.